

7 / 2021 В НОМЕРЕ

4 ГЛАВНАЯ ТЕМА

**«Каарам тамо» —
«Лунный человек»
Николай Миклухо-
Маклай**

Николай Николаевич Миклухо-Маклай, 175-летие которого мы отмечаем в этом июле, стал первым европейцем, открывшим миру папуасов северо-восточной части острова Новая Гвинея. Он вошел в мировую историю не только как выдающийся исследователь Океании, но и как борец за права коренного населения Новой Гвинеи.

6 *Николай Миклухо-Маклай- младший* **Научное наследие Н. Н. Миклухо-Маклая и изучение Новой Гвинеи (1846—1888)**

Как писал сам ученый, «единственная цель моей жизни — польза и успех науки и благо человечества».

15 *Николай Миклухо-Маклай- младший* **По следам Н. Н. Миклухо- Маклая**

24 *Николай Миклухо-Маклай- младший* **«Напишите эту историю...»**

30 *Игорь Чининов* **Берег Маклая сегодня**

За 150 лет, прошедших со времен первой экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая, самобытная культура папуасов не растворилась полностью под давлением инноваций, а гармонично уживается с ними и порой приобретает причудливые формы.

40 НОВОСТИ НАУКИ

42 КОСМОС: РАЗГОВОРЫ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Клим Сладков
**«Спектр-РГ». Два года
с запуска**

46 СОЗДАНО В РОССИИ

49 НАУКА В РАЗВИТИИ

**«Фабрика
сверхтяжелых
элементов»**

Объединенному институту ядерных исследований исполнилось 65 лет.

57 Два дня, наполненных встречами

62 *Виталий Пронских* **Ядра-коллективные субъекты больших экспериментов: от ОИЯИ до ЦЕРН**

65 ВО ВСЕМ МИРЕ

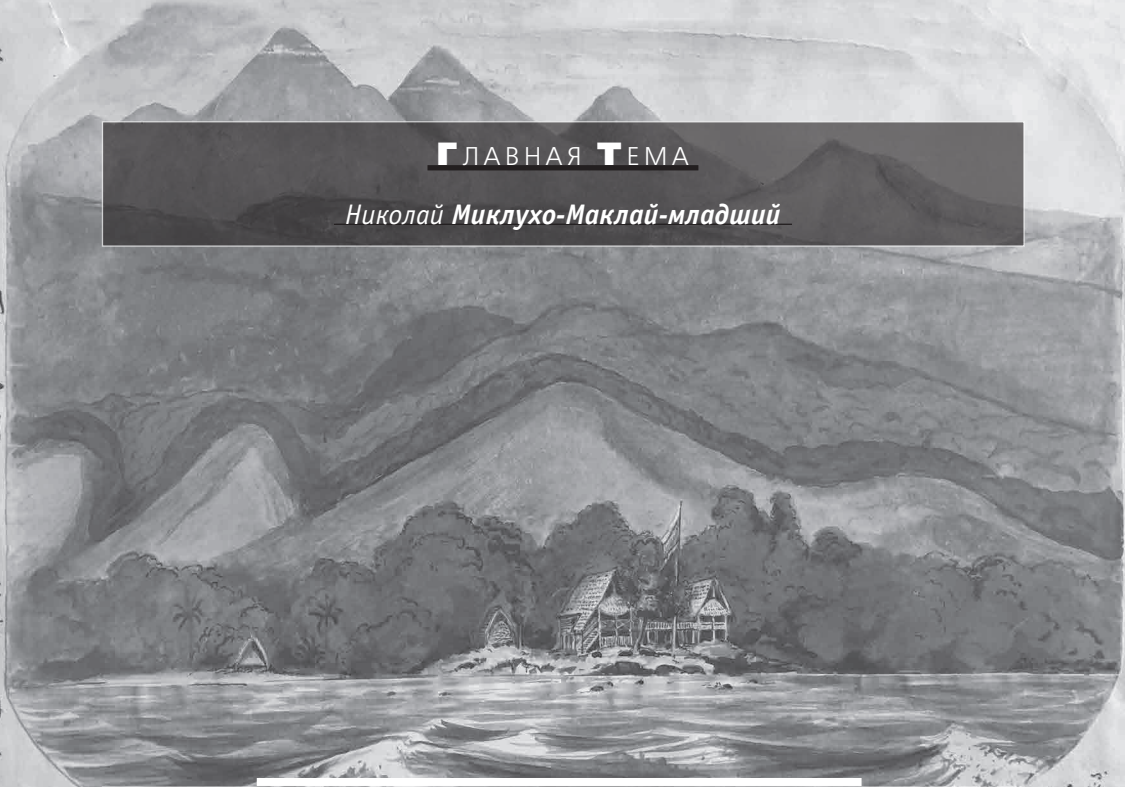
67 ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

Игорь Фунт
**Николай Первый,
межконтинентальный
деспот**
От либерализации —
к закручиванию гаек.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Николай Миклухо-Маклай-младший

„Je venais d'aller à la messe et j'ai vu dans la chapelle un portrait de votre père, le colonel Mikloukhine, et j'ai été très étonné de le voir dans un lieu où il n'y avait que des chrétiens.“

Научное наследие Н. Н. Миклухо-Маклая и изучение Новой Гвинеи (1846–1888)

Николай Николаевич Миклухо-Маклай (5 (17) июля 1846–2 (14) апреля 1888) вошел в мировую и отечественную историю как выдающийся ученый, путешественник, мыслитель и общественный деятель. Как писал сам ученый, «единственная цель моей жизни — польза и успех науки и благо человечества». Как натуралист широкого профиля он внес значительный вклад в разные научные дисциплины. Миклухо-Маклай по праву вошел в историю не только как выдающийся этнограф, изучавший коренное население острова Новая Гвинея, Австралии, Океании и Юго-Восточной Азии, но и как зоолог, океанолог, вулканолог и метеоролог. За время своих экспедиций Николай Николаевич совершил открытия в самых различных научных дисциплинах.

Статья проиллюстрирована
рисунками Н. Н. Миклухо-
Маклая

«Почему я выбрал Новую Гвинею»

«Почему я выбрал Новую Гвинею» — так начиналась статья Миклухо-Маклая, план которой он составил еще до отправления в экспедицию. Ученый продолжил работу над статьей на борту русского корвета «Витязь», на котором он впервые отправился на северо-восточное побережье Новой Гвинеи (Берег Маклая) в 1870 году, а также после высадки на заветном острове, — но по каким-то причинам не довел ее до конца. Статья гласит: *«Выбирая в 1868 году ту часть земного шара, которой предполагал посвятить свои исследования, я остановился на островах Тихого океана, и преимущественно на Новой Гвинее как острове наименее известном <...>, имея в виду главным образом цель — найти местность, которая до тех пор, до 1868 года, еще не была посещена белыми... Именно на этом малоизученном острове первобытные люди менее всего затронуты влиянием цивилизации, и это открывает исключительные возможности для антропологических и этнографических исследований».*

Для Миклухо-Маклая, со студенческих лет искавшего возможность отправиться в экспедицию, которая обогатит науку важными открытиями, Новая Гвинея представлялась идеальным выбором. Несмотря на открытие Новой Гвинеи европейцами еще в XVI веке, в 1870-х годах этот остров оставался малоизученным: не было точных сведений о площади острова, его внутренних районах, очертаниях его прибрежной зоны. Некоторые отдельные достоверные наблюдения, которые проводились с борта кораблей, не могли дать описание коренного населения острова, в то же вре-

мя сопровождались нелепыми домыслами и легендами. Не было начато изучение основного коренного населения Новой Гвинеи — папуасов, которых европейцы считали кровожадными, а любой контакт с ними очень опасным.

В 1869 году Миклухо-Маклай представил Императорскому Русскому географическому обществу (ИРГО) проект многолетней экспедиции в Тихий океан, которую решил посвятить прежде всего Новой Гвинее. В этом проекте ученый твердо обозначил свои научные приоритеты. Величественная

Мужской дом и хижина на Берегу Маклая, о. Новая Гвинея. 1870-е годы

и непознанная природа Новой Гвинеи, в частности, ее животный мир, среди которого «могут скрываться органические формы, вполне для нас новые». Но, «не занимаясь по зоологии систематикой и не имея склонности к собиранию коллекций, интересных зоологу и географу», он решил не делать упор на зоологические исследования, хотя не отказывался от проведения наблюдений по широкому спектру естественных наук. В центр внимания Николай Николаевич решил поставить человека: «Я план странствования своего подчинил антропо-этнографическим целям, при которых всегда останется у меня время для специальных анатомических исследований».

Николай Николаевич Миклухо-Маклай-младший — руководитель Центра изучения Южно-Тихоокеанского региона Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН. Президент Всероссийской Ассоциации исследователей Южно-Тихоокеанского региона. Основатель и глава Фонда им. Миклухо-Маклая, info@mikluho-maclay.ru

Саул — папуас из деревни Бонгу. Берег Маклая, о. Новая Гвинея. Октябрь 1877 год

Н. Н. Миклухо-Маклай с папуасом Ахматом. Малаккский полуостров. 1874—1875 годы

В период подготовки к экспедиции Миклухо-Маклай тесно общался с академиком Карлом Максимовичем фон Бэр (1792—1876) — основателем современной эмбриологии, выдающимся зоологом, географом и этнографом. Николай Николаевич часто ссылался на труды этого ученого в своих научных статьях. Впоследствии именно Бэр стал первым из наиболее влиятельных людей ИРГО, кто обратил внимание на многообещающего молодого исследователя. Работа Бэра «О папуасах и альфурах» была настольной книгой

Миклухо-Маклая. В ней собраны все накопившиеся к тому времени скудные и противоречивые сведения о папуасах. Сам Бэр считал, что для обогащения науки крайне необходимо изучить обитателей Новой Гвинеи. Миклухо-Маклай взял с собой эту книгу на Новую Гвинею, неоднократно ссылался на нее в своих работах, а приведенные слова сделал эпиграфом к своей первой большой статье о папуасах. Однако книга «О папуасах и альфурах» привлекла русского ученого не только рассмотрением конкретного антропологического мате-

риала. В заключительной части своего труда Бэр выступил сторонником видового единства человечества и осудил злодеяния «цивилизованных» малайцев и европейцев на западном побережье Новой Гвинеи. Более того, в 1861 году на съезде антропологов в Германии Карл Максимович подверг резкой критике англо-американских антропологов, которые, опираясь на учение о неравенстве рас, оправдывали истребление коренного населения Америки, порабощение народов Африки и Тихого океана. Дело в том, что в 50–60-х годах XIX века многие видные зарубежные ученые пытались доказать, что человеческие расы неравноценны, что разница в культурном уровне народов объясняется их врожденными свойствами, что одни народы якобы самой природой предназначены господствовать, а другие — подчиняться. Папуасам и другим культурно отличающимся от европейцев народам эти ученые отводили роль «промежуточного звена» между европейцами и их животными предками. Эти теории использовались работниками, а затем и вовсе стали применяться для оправдания колониальной экспансии. Миклухо-Маклаю была очевидна опасность подобных идей вне зависимости от намерений их авторов. Отправляясь на Новую Гвинею, молодой ученый решил на неопровержимых фактах показать, что в действительности представляет собой папуасская раса.

Служащий отечественного Министерства иностранных дел и секретарь ИРГО барон Федор Романович Остен-Сакен одобрительно отнесся к проекту Миклухо-Маклая. Некоторые члены совета РГО также безвозмездно снабдили молодого путешественника научными приборами и инструментами. Например, помощник директора Главной физической лаборатории в Петербурге Михаил Александрович Рыкачев дал ему новейший анероид (прибор для измерения атмосферного давления), а директор гидрографического департамента Морского министерства вице-адмирал Семен Ильич

Туй (сын Бонема). Деревня Горенду, Берег Маклая, о. Новая Гвинея. 1877 год

Зеленой — термометр для измерения океанских глубин.

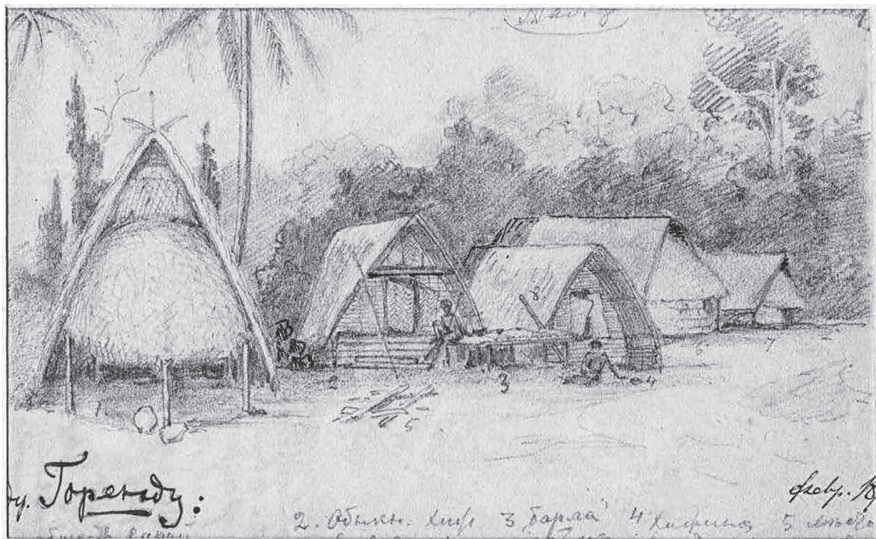
В 1870 году корвет «Витязь» под командованием капитана П. Н. Назимова отплыл из Кронштадта и отправился к берегам Новой Гвинеи. Плавание на заветный остров заняло почти десять месяцев, в ходе него корвет посетил Данию, Германию, Бельгию, Нидерланды, Англию, острова Зеленого Мыса, Рио-де-Жанейро, Чили, а также острова Полинезии. В Европе Миклухо-Маклай совершил небольшую остановку, и в это время побывал в европейских музеях и библиотеках, встретился с официальными лицами, учеными и предпринимателями, чтобы получить рекомендательные письма или дополнительные консультации по интересовавшим его научным проблемам, приобрел недостающее экспедиционное оборудование.

Экспедиции на Берег Маклая (1871—1872, 1876—1877, 1883)

Первое пребывание на северо-восточном побережье Новой Гвинеи (впоследствии получившем название Берег Маклая) с 20 сентября 1871 по 24 декабря 1872 года (по старому стилю) стало наиболее знаменательным событием в жизни Миклухо-Маклая. При помощи русских моряков была

обычай, обряды, их смысл, изучить повседневную жизнь коренных народов, стать в какой-то мере частью этого народа, войдя в последующем навсегда в легенды, фольклор коренного населения залива Астролябия.

Развернуть антропологические и этнографические исследования ученому удалось не сразу. На Новой Гвинее он оказался среди людей, не использующих в быту металлические предме-

Виды деревни Горенду. Берег Маклая, о. Новая Гвинея. 1870-е годы

построена хижина ученого для постоянного проживания недалеко от деревень папуасов. Планировалось через год, по просьбе ученого, забрать его дневники из тайника: о том, что он выживет, мало кто думал. Провожали его, как в последний путь, поражаясь его одержимостью провести исследования в этом уголке планеты.

В те времена большинство зарубежных ученых делали описания коренного населения либо отдаленно, с борта корабля, либо с записок миссионеров, что явно провоцировало неточности. Миклухо-Маклай же избрал один из наиболее трудных, новаторских для того времени способов проведения экспедиции. Он поселился вместе с изучаемым народом Новой Гвинеи, жил, не вмешиваясь в их жизнь, проводя ценные этнографические исследования, собирая уникальный фактический материал, стремясь понять их

ты, людей, можно сказать, «каменного века», которые поначалу отнеслись к странному пришельцу как к сверхъестественному существу. Они знаками предлагали ученому убраться восвояси и угрожали убить. Однако путешественник не реагировал на их действия и, что важно, не проявлял агрессии, не показывал своего превосходства и повсюду ходил без оружия. Особенно примечательна одна из первых встреч Миклухо-Маклая с папуасами по прибытии на Новую Гвинею. Ученый решил идти в одну из деревень, чтобы познакомиться с папуасами поближе — деревню Бонгу. Он не знал, какой прием его там ожидает, но все равно решил идти туда невооруженным. Не зная, как могут среагировать местные жители, ес-

ли у него будет с собой револьвер, решил не брать оружия, чтобы ни в коем случае не воспользоваться им. Как только Миклухо-Маклай вошел в деревню, его встретила группа враждебно настроенных, вооруженных копьями и луками папуасов, затем в сторону ученого даже полетели стрелы. Такая реакция местных жителей говорит не сколько об их агрессии, сколько о страхе: они впервые в жизни увидели белого человека и не знали, с какими намерениями он прибыл. Чтобы убедить папуасов в мирных намерениях, Миклухо-Маклай не ответил агрессией, а расстелил циновку, снял обувь и, как ни в чем не бывало, лег на нее и уснул, всем видом показывая, что ничего не боится — такой реакции от пришельца никто не ожидал.

Впоследствии он запишет в дневнике, что проснулся, чувствуя себя очень освеженным, ведь он проспал почти два с лишним часа. Открыв глаза, он увидел нескольких папуасов, сидящих вокруг циновки. Они смотрели на него уже не так угрюмо, а наоборот, очень удивленно. 7 октября Николай Николаевич посетил еще одну близлежащую деревню — Гумбу. Но при его появлении повторилось примерно то же, что случилось в Бонгу: кричащие женщины и дети стремглав бросились в лес, а мужчины, вооружившись чем попало, обступили пришельца.

Обдумав сложившееся положение, Миклухо-Маклай решил временно отказаться от посещения деревень и ограничиться контактами с папуасами, приходившими в Гарагасси, который ученый впоследствии назвал мысом Уединения. Между тем слухи, порой самые невероятные, о белокожем пришельце распространялись по всем даже удаленным деревням. Посмотреть на него и его жилище приходили и приплывали в каноэ жители многих береговых и горных деревень, а также обитатели прибрежных островов. Проводником во время таких визитов выступал Туй, первый друг Маклая, во многом являвшийся связующим звеном в знакомстве со своим другом. Он рассказывал гостям о белом человеке, спустив-

шемся с Луны, — так объясняли коренные жители белый цвет кожи ученого, схожий с цветом Луны, — показывал, с разрешения путешественника, некоторые диковинные предметы, которыми пользовался в жизни ученый. Николай Николаевич обнаружил, что его соседи, возбужденные и беспокойные, в то время, когда он посещал их деревни, приходя к его хижине, становились «более ручными» и даже позволяли «рассматривать, измерять и рисовать себя». И ученый начал осторожно использовать эту возможность.

В наиболее трудный, начальный период вхождения Миклухо-Маклая в папуасский мир большую роль сыграли его дружественные, доверительные отношения с Туем. Этот житель деревни Горенду почти ежедневно приходил в Гарагасси. Как сообщает ученый, он брал у Туя уроки языков местных деревень. От своего приятеля Миклухо-Маклай узнал названия многих речек, мысов и деревень и отразил их расположение на схематической карте, составленной с помощью Туя.

И все же в первые месяцы своей жизни на северо-востоке острова Новая Гвинея Миклухо-Маклай уделял много внимания естественнонаучным исследованиям, прежде всего метеорологическим наблюдениям, которые до него на Новой Гвинее стационарно не проводились. Описав свой рабочий день в октябре 1871 года, Миклухо-Маклай показал пример проведения полевых исследований для многих ученых. Его распорядок дня выглядел следующим образом: *«Около 7 часов записываю температуру воздуха, воды в ручье и в море, высоту прилива, высоту барометра, направление и силу ветра, количество испарившейся воды в эвапориметре, вынимаю из земли зарытый на один метр глубины термометр и записываю его показание. Окончив метеорологические наблюдения, отправляюсь или на коралловый риф за морскими животными или в лес за насекомыми. С добычей сажусь за микроскоп или кладу в спирт собранных насекомых, или же принимаюсь за какую-нибудь другую работу*

до 11. <...> В 8 часов иду в комнату и, зажегши свою небольшую лампочку (боле похожую на ночник, чем на лампу), записываю происшествия дня в дневник. В 8—9 часов опять метеорологические наблюдения». Несмотря ни на что, Николай Николаевич вел и записывал эти наблюдения на протяжении всего пребывания на северо-востоке острова Новая Гвинея, в последующем названном им Берегом Маклая. Он три раза в день проводил метеорологические наблюдения, измерения температуры поверхностных вод, а также наблюдения за уровнем моря — что стало первыми точными гидрометеорологическими наблюдениями в южной части Тихого океана. Не будучи специалистом в области физики атмосферы, ученый в целом правильно объяснил процесс формирования облаков на вершинах гор: «Во-первых, днем ветер гонит влажные слои воздуха к горам, где они, подымаясь, охлаждаются и образуют облака, сгущающиеся постепенно все более и более, по мере прибывания новых количеств свежего воздуха; во-вторых, ночью воздух над морем теплее, чем над сушей, появляется ветер с берега, который постепенно уносит облака и открывает горы, которые бывают ясны только рано утром».

Через месяц после высадки Николай Николаевич записал в дневнике: «Было несколько часов в лесу, дивясь громадному разнообразию растительных форм, сожалел на каждом шагу, что смыслу так мало в ботанике». И все же ему удалось сделать немало интересных флористических наблюдений. Миклухо-Маклай, по-видимому, не собирал систематического гербария, но засушивал и заспиртовывал плоды, листья и цветы заинтересовавших его растений. Эти заготовки, да и то частично, были тоже использованы только в середине 1880-х годов, причем Николай Николаевич опубликовал тогда статью, которая позволяет считать ее автора одним из зачинателей этноботаники.

Как и во время своих студенческих экспедиций в Африку, Миклухо-Маклай бродил в часы отлива по рифу, выискивал в расщелинах извест-

ковые губки, собирая сачком на морской поверхности медуз, сифонофоров, рачков и других простейших морских животных. Но вскоре ему пришлось прекратить эти работы. «Риф, который окружал мысик, где стояла моя хижина, — говорится в статье, — мог бы быть источником интересных зоологических наблюдений и исследований, но для этого я должен был бродить по пояс или по колено в воде, следствием чего было возобновление пароксизмов, почему я должен был отказаться и от этого».

Миклухо-Маклай во многом положил начало изучению животного мира острова Новая Гвинея. В его дневниках можно найти немало интересных наблюдений над сумчатыми (древесными кенгуру, бандикутами и другими), птицами, крокодилами, ящерицами, рыбами, известковыми губками. По мере возможности он собирал материал для продолжения своих сравнительно-анатомических исследований: препарировал черепа и скелеты, помещал в консервирующие жидкости мозги и целые тушки животных. Однако ученый приступил к описанию и публикации этих фаунистических сборов лишь в середине 1880-х годов, в последний период своей жизни в Австралии.

В ходе своей второй экспедиции на Берег Маклая русский ученый собрал ценные сведения о землетрясениях в этом районе, а также установил, что этот берег находится на большом расстоянии от береговой черты и «представляет не что иное, как выдвинутый из моря коралловый риф».

Так или иначе, главным препятствием ученого на Новой Гвинее стала не агрессия местных жителей, не новогвинейские джунгли, не недостаток материала для исследований, а тропическая малярия, от приступов которой Миклухо-Маклай страдал регулярно. Несмотря на слабость в руках и ногах, головокружение и упадок сил после очередного приступа, он не прекращал метеорологические наблюдения. Тут снова проявилась его удивительная способность превозмогать себя, мобилизовывать в экстремальных

условиях все скрытые резервы своего организма, чтобы ценой максимального напряжения сил не только удовлетворять повседневные потребности, но и продолжать научные исследования.

Впрочем, отношения Миклухо-Маклая и папуасов пусть и не сразу, но довольно быстро начали меняться к лучшему. *«Моя политика терпения и ненавязчивость оказалась совсем верною: не я к ним хожу, а они ко мне; не я их прошу о чем-нибудь, а они меня и даже начинают ухаживать за мною»*, — записал Миклухо-Маклай в полевом дневнике. И ученый воспользовался этой возможностью: *«На мою долю выпало редкое счастье наблюдать население, жившее еще полностью вне сношения с другими народами и притом на такой стадии развития цивилизации, когда все орудия труда и оружие изготавливаются из камня, кости и дерева»*. Он тщательно и подробно описал в дневниках и статьях хозяйство и материальную культуру своих темнокожих друзей, их повседневный быт, нравы и обычаи, уделил много внимания их самобытному искусству. Несмотря на то, что его методики не всегда были совершенны, именно эти материалы остаются и по сей день важнейшим источником по этнографии острова Новая Гвинея, уникальным образцом полевой работы в тропиках среди коренных жителей, не имевших контактов с европейцами ранее: *«В будущем те же райские птицы и бабочки будут восхищать зоолога, те же насекомые насчитываться тысячами в его коллекциях, между тем как при повторенных сношениях с белыми не только нравы и обычаи теперешних папуасов искажутся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинеи»*.

В дневниках и статьях Миклухо-Маклая встречается много интересных наблюдений не только о жизненном укладе, но и о социальном строе папуасов. Путешественник установил, что обитатели каждой деревни состав-

ляли общину, в которой господствовали принципы коллективизма, что в такой общине не было имущих и неимущих: *«В этой общине не было начальников, не было богатых и бедных, почему не было ни зависти, ни воровства, ни насилия»*. Как видно из записей Миклухо-Маклая, местные жители не имели ни наследственных, ни выборных вождей. Но из среды общинников стихийно выделялись «большие люди» (*тамо боро*), пользовавшиеся авторитетом благодаря своему воинскому искусству, успехам в хозяйственной деятельности или знанию магического ритуала. *«Люди слушаются не их приказания, но их совета или мнения»*, — отмечал Миклухо-Маклай.

Принципиальное значение имело антропологическое изучение папуасов, ради которого русский ученый отправился на Новую Гвинею прежде всего. Николай Николаевич с особой тщательностью искал признаки, которые многие научные авторитеты того времени рассматривали в качестве специфических особенностей папуасской расы. Ряд зарубежных «ученых», которые сами никогда не видели коренных новогвинейцев или наблюдали их с палубы корабля, утверждали, будто папуасы обладают рядом «обезьяноподобных» черт. В научных трактатах говорилось, что у папуасов волосы на голове растут пучками, кожа отличается особой шершавостью. Миклухо-Маклай считал своим долгом проверить эти утверждения и в итоге опроверг их. Изучив волосяной покров жителей Бонгу, он записал в дневник: *«Волосы растут, как я убедился, у папуасов не группами или пучками, как можно прочесть во многих учебниках по антропологии, а совершенно так же, как у нас. Это для многих, может быть, очень незначительное наблюдение разогнало мой сон и привело меня в приятное настроение духа»*.

Шаг за шагом Миклухо-Маклай устанавливал, что местные жители по своей физической организации существенно не отличаются от европейцев. Но, пожалуй, еще важнее было то, что путешественник обнаружил большое сходство между папуасами

и европейцами во всем, что касается психических свойств. В своих дневниках и статьях Миклухо-Маклай называет лица папуасов добрыми, мягкими, умными, радуется их трудолюбию, честности и смышленности, подчеркивает, что они легко перенимают новое. *«Все украшения и обтеску им приходится делать камнем, обточенными в виде топора, костями, также обточенными, осколками раковин или кремнем, и можно только удивляться, как с помощью таких первобытных инструментов они строят порядочные хижины и пироги, не лишённые иногда довольно красивых орнаментов»*, — писал путешественник в дневнике.

Благодаря всем этим уникальным сведениям Миклухо-Маклай показал несостоятельность расистских взглядов и доказал всему миру, что нет людей высшей, низшей расы, и все люди равны от природы.

Заключение

Миклухо-Маклай провел в путешествиях и экспедициях почти половину жизни и оставил огромное наследие для будущих поколений. Он совершил три экспедиции на северо-восток острова Новая Гвинея, Берег Маклая и в общей сложности шесть раз — в различные уголки Новой Гвинеи (западное и юго-восточное побережье острова). Дневники Миклухо-Маклая — научный труд, который по сей день привлекает внимание специалистов и широкого круга читателей. Дневниковые записи прекрасно дополняются рисунками ученого, сделанными во время экспедиций. Рисунки Миклухо-Маклая по сей день остаются ценным этнографическим и антропологическим источником, ведь они «отличаются точностью пропорций, тщательной прорисовкой деталей, ярко отражают как антропологический тип, так и человеческую индивидуальность». Миклухо-Маклай — автор около 160 научных трудов в области этнологии, антропологии, метеорологии и океанологии и других дисциплин, опубликованных на русском, английском, немецком

и других европейских языках, а также автор более 700 рисунков. Более того, результаты исследований выдающегося ученого-гуманиста и путешественника легли в основу ряда вышедших в разных странах мира изданий о жизни Миклухо-Маклая, в том числе и российского шеститомного (в семи книгах), наиболее полного на сегодняшний день собрания сочинений, новое издание которого подготовил в рамках программной деятельности ООГО «Российский фонд культуры» совместно с Фондом сохранения этнокультурного наследия имени Миклухо-Маклая при участии Центра изучения Южно-Тихоокеанского региона Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН и утвержденного к печати Институтом этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

Примечательно, что Н. Н. Миклухо-Маклай считал себя зоологом, однако впоследствии был признан мировой и российской наукой как этнограф, показавший пример полевой работы.

Более того, в 1970—1980-х годах в день рождения Миклухо-Маклая (17 июля) был учрежден День этнографа — профессиональный праздник российских ученых-этнографов.

С момента первых экспедиций Миклухо-Маклая на Новую Гвинею прошло почти полтора века. За это время в мире произошли огромные перемены, но научный и общественный подвиг русского ученого и его богатое наследие по сей день служат на благо дружбы и сотрудничества во всем мире. Собранный Миклухо-Маклаем фактический материал по-прежнему актуален для науки, а точные свидетельства русского путешественника о папуасах стали первыми в мире фактическими свидетельствами, освещающими всемерно традиции, культуру и быт коренного населения северо-востока острова Новая Гвинея. Труды и гуманистические идеалы Миклухо-Маклая дают нам представление о необходимости сохранения традиций, уважения к культурам народов мира.